

СУДЬБА ВОЕНАЧАЛЬНИКА

СВОЮ первую войну молодой подпоручик, только что окончивший Тифлисское юнкерское училище, встретил в Карсе в октябре четырнадцатого года. 3-я полевая армия во главе с Энвером-пашой навалилась на Карс и Сарыкамыш. Турецкий военачальник рассчитывал новый 1915 год встретить в центре Закавказья — в Тифлисе, далее через Баку идти на Астрахань, где предки османов якобы покли сажи коней, и тем самым вернуть «земли предков». Наемные советники при Энвере направляли делаши в Берлин о предстоящей крупной победе под Карсом и Сарыкамышем. Однако русские нанесли армии Энвера тяжелое поражение. Незадолго до этого полководец, бросив свои дивизии, ретировался из-под Сарыкамыша.

В этих боях молодой подпоручик проявил усердие и храбрость. Боевой орденом Святого Георгия 4-й степени яркое тому свидетельство. Так началась карьера Владимира Тамручи (Дамручян) в той войне. Прошел через нее от начала до последнего выстрела, став кавалером многих боевых наград и получив чин старшего офицера-капитана.

Потом служил в армянской национальной армии и вновь сражался против турок, а когда в Армению пришла Красная Армия, он добровольно вступил в ее ряды. В дальнейшем кадровики долго косились на «темную страничку» его биографии — службу в дашнакской армии. Но партия доверяла ему, и перед войной, в сороковом году, приняла его в свои ряды.

В истерзанной Армении воцарился мир. Социалистическая республика стала формировать свои вооруженные силы — Красную Армию. Владимир Тамручи служил в главном отделе ее штаба — оперативном. По свежим следам событий, по предложению наркома по военным делам — легендарного Гая подготовил сборник-заметки участника: «Бои в Камарлу и Зангезуре», где со знанием дела описал подвиги молодых полков красных частей Армении совместно с 11-й Армией.

В начале 1925 года способного командира переводят в Москву и предлагают сманить профессию — стать танкистом. Согласился. Вскоре стал командиром первого в стране танкового полка. С того дня и до конца жизни на его петлицах красовались танковые эмблемы.

Перед войной он занимал солидную должность — заместитель Главного инспектора автобронетанковых войск Красной Армии. В конце мар 1941

ему предложили новую должность — начальника штаба только что сформированного 22-го механизированного корпуса, штаб которого дислоцировался в Рязно.

На войне никогда не бывает легко. Но особенно трудно в ее начале, когда еще так свежа память о мирных днях. Трудно солдатам, начинающим свою первую войну. Трудно командирам взводов, рот, батальонов первый раз вести в бой своих бойцов. Но не менее труднее было ему, волею судьбы ставшему командиром корпуса в первые дни войны.

КОМАНДИР корпуса, следовавший во главе 19-й танковой дивизии, увидел вражеские танки. Они идут по шоссе и по обе стороны, по полям, безжалостно подминая под себя колоссящую ниву. Он следит за ними, не отрываясь от бинокля. Вот он, знаменитый танковый клин, идущий на рассечение боевых порядков наших истекающих кровью стрелковых полков, наспех перешедших к обороне, на успевших даже вырыть простейшие окопы.

Да, на склоне высоты теперь можно было отчетливо разглядеть немецкие танки, которые только что вели бой с нашей пехотой. Теперь они, низкие, длинные, похожие издали на черных крыс, гуськом шмыгали за дымовую завесу, дабы перестроиться и вновь направить свой клин в нашу оборону. 41-я танковая не выйдет на рубеж развертывания для контрудара, она уже ведет бой с врагом, 215-я частично отстала, а до указанного рубежа еще далеко, видно, немцы упредили нас. Что делать? Как быть? Кто подскажет командиру, какое решение принять? Подсказал воинский долг, долг коммуниста, совесть командирская. И он подал установленный сигнал к атаке, а потом дублировал ее открытым текстом:

— В атаку! Вперед!

Сотни танков рванулись вперед. Вражеские снаряды рвутся все ближе и ближе. Участвовало, что там, в пшенице, — множество гитлеровских противотанковых орудий. Подавить их было нечем, наши танкисты могли рассчитывать только на самих себя. И они шли напролом, навстречу смертоносному огню, который становился тем эффективнее, чем ближе подходили наши танки. Генерал понимал, что в нормальных условиях полагалось бы предварительно обработать позиции противника бомбардировочной авиацией и артиллерией. Но где взять авиацию и артиллерию. Авиации в корпусе нет, артиллерия еще на марше.

— Вперед! Только вперед! — повторяет команду генерал, на ходу занимая НП.

Наши танкисты, мастерски маневрируя, увертываясь из-под вражеских разрывов, идут на сближение с противником. Но чудес не бывает, и вскоре командир корпуса насчитал с десяток высоких черных дымов — то горят наши танки.

Через двадцать лет бывший адъютант командира корпуса подполковник Александр Остапенко расскажет автору этих строк: «Особое волнение вызвал на нашем НП такой эпизод. Был подбит еще один наш танк. Над башней его поднялся дымок. Еще несколько мгновений, и вверх вырвался столб пламени. Но тут же донесся отдаленный звук выстрела: упрямая пушка горящего танка «выплюнула» снаряд. Потом еще один, еще...»

— По-нашему, по-танкистски, — едва слышно сказал командир корпуса и обнажил голову.

Танкисты молча, с сухими горячими глазами наблюдали за последним боем товарищей. Кто был там, в том пылающем танке? На вид все танки одинаковы. Имена героев узнают позже, когда экипажи вернутся с поля боя. Кто бы они ни были — они советские танкисты и умирают настоящими героями.

В том первом танковом контрударе врагу был нанесен существенный урон. Командование фронта, получив боевое донесение генерала Тамручи об успешном проведении первого боя, одобрило решение командира корпуса. В те тяжелые дни и маленькие удачи радовали. Но отдельные успехи не могли изменить общую обстановку на этом участке фронта. Слишком ярым было превосходство врага в танках, артиллерии, и особенно в авиации.

ПЕРВЫЕ десять дней боев были самыми сложными. Трудными, как внезапный переход от мира к войне, как первый экзамен на солдатскую прочность: выдержит ли сокрушительный, давно задуманный, хорошо спланированный немецкими генералами вероломный удар? Трудными, как родившееся в первых боях убеждение: врага победить можно!

Не потому ли начальник Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковник Гальдер в своем военном дневнике написал: «29 июня 1941 года 8-й день войны. Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Упорное сопротивление русских заста-

вляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. На Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов, теперь это уже недопустимо...»

Кровопролитные бои продолжались. Корпус нес большие потери в людях и в технике. Механизированный, он остался почти без танков. Но в дивизиях корпуса не было паники. Была поданная умелая оборона. Были упорные бои за каждое селение, каждую высоту, каждую переправу.

— Первые дни войны больно поразили генерала Владимира Тамручи. По полям, дорогам нескончаемым потоком тянулись беженцы: женщины, старики, дети. Людское неприкрытое горе гневным укором текло им навстречу. Беженцы! Эту страшную беду он видел начиная с осени четырнадцатого по ноябрь двадцатого года. Шли они, осколки целого народа, по проселкам Западной Армении, торопились в пределы России. Шли дни и ночи, шли под охраной воинов армян-камаворов (добровольцев), а иногда и без них, ожидая в каждую минуту пулю и нож разбойников и убийц. Тогда шли осколки армянского народа. Сейчас — люди самых разных национальностей. Идут советские люди. Идут в одиночку, семьями. И старый солдат Владимир Тамручи сказал своему адъютанту:

— Когда на поле гибнет солдат, жизнь продолжается в его детях. Когда на корню истребляется семья — обрывается род, навсегда и бесследно. Что может быть трагичнее... Впервые за совместную службу адъютант в глазах у своего командира увидел слезы...

В начале войны правительство скупой отмахал наградами отличившихся воинов, особенно военачальников — армия отступала. Но именно в эти дни генерал Владимир Степанович Тамручи за умелое руководство боевыми действиями первый среди танкистов-военачальников был удостоен высшей награды — ордена Ленина. Произошло это 22 июля тяжкого сорок первого года. А через две недели он сдал корпус и был выдвинут на должность заместителя командующего Юго-Западным фронтом.

Стойкий рост, незамедлительная оценка заслуг, но не поспешная. Он не вытянул счастливый жребий, он заслужил его кровью, мужест-

вом, волей, возным талантом. 9 сентября сорок первого ему было присвоено звание генерал-лейтенанта танковых войск.

ВЕСНА сорок второго года была полна надежд на возвращение Украины. В мае началось наше наступление на Харьков, завершившееся трагедией — окружением, разгромом. Фамилии виновных в этой трагедии были известны. По логике вещей их надо было привлечь к ответственности. Но по неизвестным причинам дамоклов меч опустился на головы других: в числе многих был снят с должности начальника штаба фронта Иван Баграмян, «сослан» Михаил Парсегов, Владимир Тамручи получил другое назначение — возглавить военно-учебное заведение, ведь он был доцентом, долгое время заведовал кафедрой в Военной академии имени М. Фрунзе.

Как рассказывал впоследствии маршал Баграмян, генерал-лейтенант Тамручи обратился к Сталину с письмом, где требовал найти истинных виновников в харьковской трагедии, в результате которой десятки тысяч советских людей пали на поле боя, были пленены, а обстановка на фронте серьезно осложнилась.

Сталину не понравилось послание Владимира Тамручи, там между строк он находил обвинение и в свой адрес. Особенно слова генерала: «Один умник утверждал, что война — соревнование шпак, а я считаю — не только шпак, но и умов. Жизнь нас всех научила — неграмотное отступление обходится значительно дороже безграмотной атаки. Факт! И тот, кто думает обойтись без умения отступать, сражения не выигрывает...». Судьба военачальника была преддана. Он пал жертвой злобной клеветы.

Генерал-лейтенант Владимир Тамручи (Дамручян) был стойким солдатом, но судьба сказала к нему немилостиво. Это старая аксиома — судьба, видимо, не любит максималистов. Его яркая жизнь, его подвиги требуют еще изучения и достойной оценки.

Г. АЙРАПЕТЯН.